

● Нет надобности представлять Владимира Васильева — солиста балета и балетмейстера Большого театра, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии, секретаря Союза театральных деятелей РСФСР. Имя этого выдающегося артиста широко известно и у нас, и за рубежом. Сегодня он — наш собеседник. По просьбе редакции беседу ведет писатель Леонид Почивалов. Готовясь к ней, он ознакомился с вопросами, которые звучат в читательской почте.

Л. Почивалов. Почта несет к нам горячие настроения дня. Читатели говорят о том, что готовы сейчас взять на себя ответственность и отвечать за все происходящее в стране. Лишь бы продолжалась перестройка.

В. Васильев. Мне кажется, что стоит сначала выработать чувство ответственности за самого себя. Нас с детства приучали мыслить за всех, за все общество, за все государство, чуть ли не за весь мир. А ведь общество начинается с отдельной личности, с твоего собственного мироощущения. Я, например, радуюсь, когда вижу, как избавляются люди от стереотипов «обязательного» мышления. У нас опасались «личного мнения». И сейчас нам важно обрести личность в самих себе. Тогда мы с большим пониманием и уважением будем относиться к другим мнениям. Как часто видишь, когда тебя кто-то слушает с отсутствующим взглядом, ибо у него уже есть мнение, «руководящее мнение». Да что я все о других! Скажу о себе. До сих пор испытываю робость, когда говорю с крупным чиновником, например, министром или ответственным работником ЦК. Не желая того, я уже настроен понравиться начальству. Вот ведь какая магия поста!

Л. П. Думаю, в нас не воспитано чувство собственного достоинства.

В. В. И это «личное» надо защищать всеми силами. Вот пример. Совсем недавно театральная и писательская общественность публично выступила против намерения возвести химическое предприятие возле музея-заповедника великого русского драматурга А. Н. Островского. Нам казалось, что аргументы наши были вескими, что оппоненты не смогли противопоставить в споре ничего убедительного. Но когда заседание окончилось и все расходилось, я услышал оброненное на ходу ироническое замечание одного из защитников завода: «А чего они петушились? Ведь уже есть решение инстанции. Кто их теперь будет слушать!»

Л. П. А ведь было время, время горячего бдения мысли — в спорах и дискуссиях, в состязании аргументов, а не в приказах и командах. Именно такой стиль партийного руководства создавал Ленин. И главное в этом стиле было уважение и доверие к человеку.

Х. В. В. Вот, вот — доверие! Я не раз вспоминал об этом перед выездом на зарубежные гастроли. Как же тревожились мои молодые коллеги в обстановке, предшествующей выезду в райком. Срочно штудировали передовицы «Правды», заучивали цитаты из выступлений политических деятелей. Вдруг спросят? И спрашивали. Но никто в райком не интересовался, что они знают о драматургии той страны, куда едут, наконец, о собственном советском театре. Ведь в разговоре с нами зарубежных коллег интересует прежде всего это. Я спрашивал за границей, что вам у нас нравится? Отвечали: ваша традиционная любовь к балету, забота вашего государства о сохранении классического наследия. А что не нравится? Отвечали: ваша скванность, ваша озабоченность, хмурая серьезность.

Л. П. Всегда ли мы были такими? Вспоминаю детство: черные тарелки репродукторов на стене сотрясались от бодрости. «Все выше, и выше, и выше...» Марши и песни звали в лучезарное завтра. Миллионы выходили на улицы с ликованием встречать папанинцев, с энтузиазмом шагали в колоннах майских демонстраций... А ведь время-то было тяжелое.

В. В. Вот я думаю: откуда такой оптимизм? Наверное, здесь воздействие Октябрьской революции, всколыхнувшей все слои общества; вдохновляли и наглядные успехи экономических преобразований, вера в способность собственных силами «преодолеть просторство и простор», убеждение, что «в своих дерзаниях всегда мы правы». А всей настоящей правды не знали. Неустрашенность быта, коммуналка, нехватка еды, одежды. Произвол, беззаконие, необоснованные репрессии. И в то же время удивительный порыв к духовности. Какие замечательные актеры выходили тогда на сцену театра! Какие прекрасные были постановки...

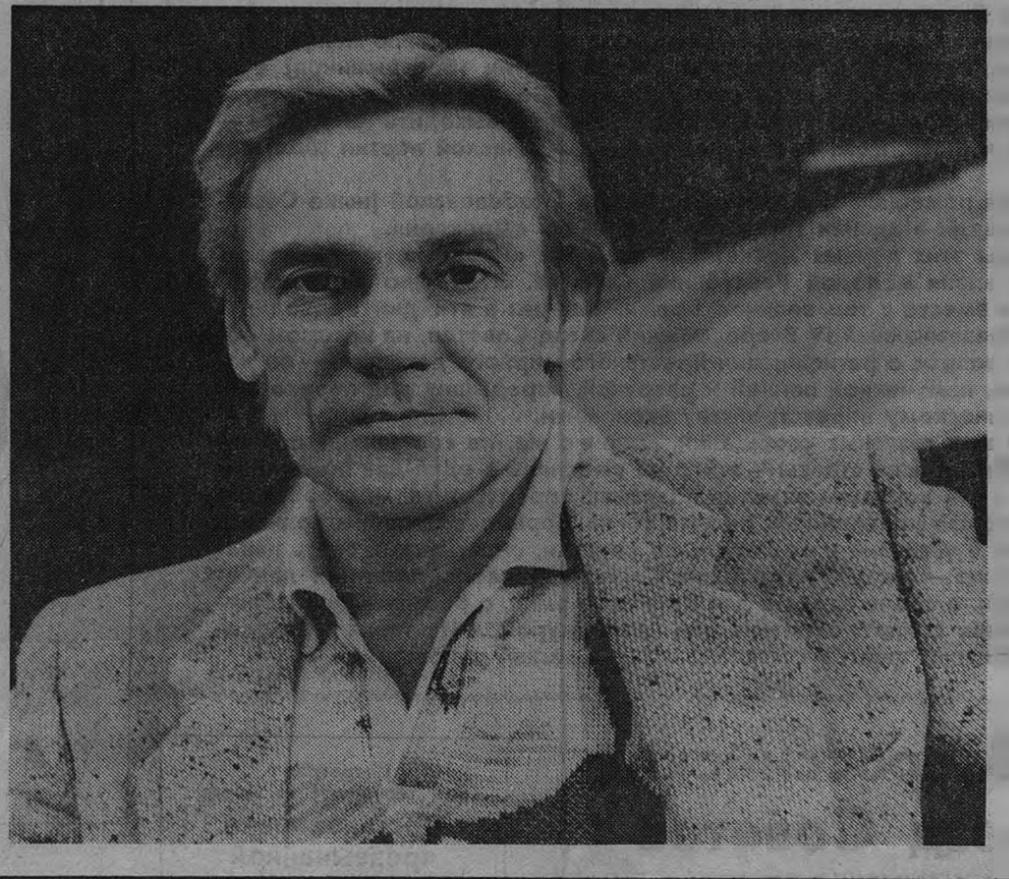
Л. П. Оптимизм наш был искренним...

В. В. До поры до времени. И далеко не для всех. Обстановка все больше приучала к трезвости. Предвоенный маршевый оптимизм с годами сходил на нет. Разгромив гитлеровскую Германию, мы вошли в более тесное соприкосновение с Западом. Тысячи выезжали за пределы страны, из-за «занавеса» стали к нам проникать телевидение, кино, «заграничные вещи». Они несли представление об ином мире — худшем ли, лучшим ли, но ином. Процесс этот продолжается и сейчас.

Л. П. Это естественно и справедливо. Что-

Наш собеседник — народный артист СССР Владимир ВАСИЛЬЕВ

Пока живет критическая мысль...

бы идти дальше, чтобы развивать, например, искусство, мы не можем пренебрегать тем, что создали другие. Правда, есть и опасность: как бы не утратить того, что мы создали сами.

В. В. Я не боюсь этого. Появление элемента чужеродного неизменно ведет к тому, чтобы больше ценить свое, чтобы решительнее его оберегать. Нужно только добиваться одного: то, что мы недобрали, пусть идет не во вред нашему достоинству. Иначе потом нам это придется восстанавливать по крупицам.

Л. П. Раз уж мы заговорили о времени, скажите, как оно проясняет себя в близкой вам сфере, в искусстве? Возьмем, к примеру, проблему рока. Рок по радио, в клубах, на вечеринках. Что это — утверждение нового? Разрушение старого? Чего? Шопеновских валсов?

В. В. Так уж устроен человек: он стремится обладать тем, чего у него нет. Если мы не знаем того, чего у нас нет, мы этого и не хотим, а узнав, стремимся иметь то же. Неведом был нам рок — обходились без него, так же, как в свое время обходились без фокстротов. А узнали — захотелось.

Л. П. Но не несет ли рок опасности для привычной нам танцевальной культуры? Он практически вытеснил вальс с молодежных танцплощадок.

В. В. Думаю, большой опасности нет. Это — отражение времени, отражение пульса нынешнего дня. А насколько верно это отражение, покажет время. Время дало свои оценки и вальсам, и фокстротам, и твистам.

Л. П. Получается, что надо покорно ждать суда времени, не вмешиваясь?

В. В. Ничего подобного! Я призываю лишь к терпеливой мудрости в оценках, чего, кстати, не всегда хватает нам сегодня. Конечно, нанесем себе ущерб, если нашу танцевальную культуру будем ориентировать лишь на рок. Но есть ли у нас собственный танцевальный стиль? Нет. А если есть, то эклектический. А может быть, эклектика и стала стилем? И не только в танце, в культуре вообще. Умение выделить лучшее в собственной национальной культуре и соединить это лучшее с другими культурами — великое искусство. Весь вопрос в том, как из всего того, что нас окружает, передать потомкам главное, составляющее непреходящие ценности.

Л. П. А что именно считать непреходящим? Разве может суд времени «выбравать» Шекспира, Бетховена, Рубенса, Павлову?

В. В. Это давно занимает умы: что в культуре временно, что — бессмертно. Ответить никто не сможет уверенно. И здесь лишь время судия. Некоторые классические спектакли, например, «Жизель», имеют более чем столетнюю историю. Но жив спектакль лишь потому, что видоизменялся во времени. Каждое поколение вносило в классику свои черточки — в поведение и характер героев. Некоторые спектакли, которые утратил Запад, мы вернули на сцену. Например, ту же «Жизель». И тут я не могу не заметить: еще недавно мы недоверчиво относились к тому, что мог дать Запад. Более того, на фоне своих балетных успехов любое, даже интересное явление, идущее вразрез с нашими представлениями, тут же объявлялось идеологически чуждым.

Л. П. Сама над собой подтрунивали: мол, «в области балета мы впереди планеты всей».

В. В. Были впереди. Могли бы у них научиться и современной хореографии, и джаз-танцу, и модерн, и степу. Но не хотели. И делали грубую ошибку. Ведь эти танцы имели тесную связь с бытовыми танцами — на площадях, вечеринках, карнавалах — они кристаллизовали подлинно народное начало, обогащая собой прогресс сценического творчества. Вот потому-то сейчас, когда возник вопрос о постановке современного спектакля на современную тему, мы чувствуем, что нам трудно создать действительно правдивое хореографическое произведение, отражающее наше революционное время во всем его многообразии. Недавний всесоюзный конкурс балетмейстеров — яркий тому пример.

Классика — не застывшая догма. Она исторический элемент общечеловеческой культуры, которая находится в постоянном динамическом развитии. Поэтому классика должна иметь свое естественное продолжение и развитие в сегодняшнем дне. А вот в каких формах — это вопрос. Уважая классику, нельзя отвергать поиски сегодняшнего дня. В том числе рок — коль вы о нем заговорили.

Л. П. Но разве у нас в стране нет национальных традиций ритмического танца? Разве мы не можем и в этом случае опираться на свое собственное?

В. В. Должны. У народов нашей страны немало традиций такого танца, который мог бы отвечать требованиям современности. Но мы все больше теряем бесценное — соб-

ственный музыкальный и литературный фольклор. А ведь многие современные направления танца выросли именно из фольклора. Увы, не нашего! И вот теперь мы пользуемся богатством других, зарубежных народов. Конечно, обидно за свое.

По отношению к культуре других наций и народностей надо проявлять величайший политический такт. Важно не впасть в крайность — национализм, шовинизм, не думать, что твоя нация по сравнению с другими — лучшая. А мы любим превосходные степени. Недавно видел программу по телевидению. Мальчик громко провозглашал: «Наша армия самая лучшая, самая сильная в мире!» Кому нужно это «самое»? Когда мы в превосходную степень возводим свое, мы тем самым принижаем других.

В мире идет процесс защиты национального. И он естествен. Чем интенсивнее взаимодействие между различными культурами — а этот процесс тоже происходит, и он необратим, — тем больше желание сохранить свое. Если бы в космосе была еще одна цивилизация, превосходящая нашу, разве мы бы не стремились сберечь то, что создано на нашей матушке-Земле? И вот тут коснусь мне близкого — русского танца. Мы все больше его утрачиваем. Из города вытеснили, вытесняем из деревни. Там, в деревне, национальная культура имеет лучшую питательную среду. Это прежде всего родная природа, самое наше «национальное».

Л. П. Не звучит ли в ваших суждениях тоска по утраченным патриархальным устоям?

В. В. Тоска по утраченным, невозвратным ценностям должна оставаться всегда, как наша совесть. То, что представляет подлинное, национальное достояние, а не подделку в стиле «а ля русс», надо оберегать.

Л. П. Возьмите теперешние песни. Не говоря уже о мелодиях — они почти на один манер, — какие же скудные мысли в тексте? А о чем поют, неизвестно. В классике — и в нашей, и в мировой — неизменной темой была высота и красота любви. Эта тема долго держалась и в советской песне. Ныне почти позабыта. Если и поют о взаимоотношениях мужчины и женщины, то звучит в этом не целомудрие, а свойственное времени наплевательство.

В. В. Тупеешь от таких песен. Я вижу прямую связь уровня культуры с развитием теперешней индустриальной цивилизации. Раньше, чтобы натопить дом, зажечь в доме свет, надо было предпринять какие-то действия. Сейчас только нажми кнопку. Я могу лежать целый день на кровати и получать самую разнообразную информацию, лишь ткни пальцем в клавишу. Для меня основой цивилизации является боевая, критическая мысль. И вот сейчас, в период революционного обновления всего существа нашей жизни, нам необходимо критически осмыслить то, что нам дали и великие мыслители прошлого, и наш собственный опыт — позитивный и негативный.

Я, например, почувствовал, что очень нуждаюсь в Ленине как в первоисточнике. Еще недавно вроде бы все-все было ясно. А сейчас тянусь к полке за ленинским томом, за книгами соратников Ленина. И его противников. Это безумно интересно. Только так и можно проследить развитие человеческой мысли в поисках правды. В этом случае я понимаю, где Ленина приспособили к «злобе дня», а где он истинный.

Л. П. Мне кажется, в оценке сегодняшнего дня нам нужно прежде всего опираться на века выработанные основы общечеловеческой нравственности, идеи марксистско-ленинской философии и собственный опыт.

В. В. Многие, казалось бы, бесспорные положения, по которым мы оценивали жизнь, переходящие. Они могут быть оценены лишь во времени. Как я уже говорил, у нас в руках есть надежный инструмент — критическое отношение к действительности. Этот единственно верный инструмент познания был с нами во все эпохи нашего развития. Ошибочно утверждать, что в годы произвола он был упрятан подальше от бдительных глаз и даже вообще перестал существовать. Существовал, действовал, давал свои критические оценки окружающему. Это нам становится очевидным сейчас, когда мы обнаруживаем все больше свидетельств этому, например, в нашей литературе. Сколько обнаружилось ныне произведений, которые делают честь нашей творческой мысли, ибо создавались в годы произвола, но вопреки произволу!

Л. П. Люди и в трудные годы не теряли веры.

В. В. Вера вере рознь. Только в религии она догмат. Во что нам сейчас верить? Прежде всего в то, что все происходящее не выдохнется в своем порыве, что, несмотря на все наши беды и ошибки, мы все-таки способны воплотить в жизнь наши высокие принципы общественной справедливости. Способны! Однако снова повторяю: настоящие духовные ценности может создать лишь критическая мысль. Барабанный бой, которым мы еще недавно обставляли наши верозаверения, для нее опасен. Мне кажется, нельзя требовать сиюминутного отражения событий в литературе, в музыке, в живописи. Необходимо прежде осмыслить происходящее. Я уверен: подлинно великие творения, отражающие наше время, еще впереди.

Фото В. Кругликова.